

Дискуссия «Здоровый город» объединила участников из разных профессиональных сфер; собеседники попытались определить, что входит в понятие здоровой городской среды. Затронуты понятия психологического здоровья городской среды и соотношение представлений о комфорте, здоровье и счастье жителей города. Участники признали необходимость поиска баланса между здоровым образом жизни и стремлением к пассивному комфорту и гиподинамии. Высказаны предположения о возможности создания архитектуры, главным приоритетом которой становится здоровье и об особенностях обучения архитекторов, создающих здоровые города.

Ключевые слова: здоровье; комфорт; счастье; архитектура; проектирование; медицина; салютогенный дизайн. /

The discussion "A Healthy City" united participants from different professional spheres. They tried to define the scope of the notion of healthy urban environment and touched upon the notions of psychological health of the urban environment and the relationship of the ideas of comfort, health and happiness of citizens. The participants admitted the necessity of reaching the balance between a healthy lifestyle and a desire for passive comfort and hypodynamia. They spoke about the possibility to create architecture, which major priority is health, as well as peculiarities of training architects aimed at creating healthy cities.

Keywords: health; comfort; happiness; architecture; design; medicine; salutogenic design.

Здоровый город / A Healthy City

подготовка текста
Марина Ткачева /
text prepared by
Marina Tkacheva

10 апреля 2019 г. на площадке технопарка МИТУ – МАСИ прошло обсуждение в рамках дискуссионного клуба журнала «ПРОЕКТ БАЙКАЛ/project baikal» на тему весеннего номера «Здоровье города».

В дискуссии приняли участие практикующие архитекторы и ученые: блогер, исследователь архитектуры советского модернизма Константин Антипин; архитектор, директор архитектурного бюро Асадовых Андрей Асадов; канд. архитектуры, советник РААСН Елена Булгакова; Заслуженный архитектор России, академик РААСН Сергей Гнедовский; Заслуженный архитектор России, член-корреспондент РААСН Елена Григорьева; первый проректор МИТУ – МАСИ Светлана Забелина; канд. технических наук, культуролог Константин Лидин; представители сообщества «Салютогенный дизайн» руководитель направления оздоровительной архитектуры и дизайна Института междисциплинарной медицины, исполнительный директор Ассоциации градостроительных компаний «Тринити – город будущего» Иван Таранов; канд. мед. наук, координатор инфраструктурных проектов «Превентивная медицина» Сергей Чудаков; руководитель отдела по связям с общественностью Ассоциации междисциплинарной медицины Анастасия Чурилова.

Елена Булгакова Мы рады приветствовать вас на площадке технопарка Наукоград. На мой взгляд, не случайно круглый стол, посвященный такой неоднозначной проблеме, как здоровье города, проводится именно в нашем учебном технопарке, поскольку сегодня это новое место знаний и база для инновационного насыщения и активизации продвижения массива знаний, т. е. пространство, организованное для реализации востребованных форм взаимного контакта на уже существующих примерах.

Вопросы здоровья затрагивают все сферы жизни человека, и такое понятие, как «здоровый город» прочно вошло в обиход. Готовясь к нашей беседе и воспользовавшись служебным положением, я провела анкетирование среди студентов кафедры «Архитектура» МИТУ – МАСИ, где задала вопрос о том, что же такое здоровый город глазами будущих архитекторов. Версий было очень много, но чаще всего они были связаны с эмоциональным аспектом восприятия городской среды.

По мнению большинства студентов, проектируемые объекты и вся городская среда в целом должны стать местом, способствующим сохранению здоровья и дающим ощущение спокойствия и счастья. Т. е. в здоровом городе ты чувствуешь, что о тебе позаботились, и пребываешь в состоянии полного физического, психологического и социального комфорта. Конечно, решение этой задачи требует междисциплинарного подхода, совместных усилий архитекторов, инженеров медиков, психологов и социологов.

Проблема настолько заинтересовала будущих архитекторов, что мы решили сделать ее темой секции «Архитектура» на проходящей у нас в апреле V Всероссийской молодежной научно-практической конференции «Молодая наука – 2019». Поэтому поднятая журналом ПБ тема для нас как образовательной площадки особенно актуальна: заложить основы здорового проектирования на стадии обучения – первый шаг к реализации проекта «Здоровье города».

Елена Григорьева Тема нашего сегодняшнего разговора на первый взгляд простая, а на второй – совсем нет. ЗДОРОВЬЕ – самое главное, то, что каждый день мы желаем друг другу – здравствуйте! В праздничных и юбилейных пожеланиях пишем: главное – здоровье. А что происходит с городом, средой, природой? Как они влияют на это самое главное? Как мы, архитекторы, влияем на здоровье города и горожан? И влияем ли вообще? Ведь на встречах архитекторов часто звучит мысль, что главные для города и градостроительства в стране решения принимаются без нашего участия.

Что происходит с природой в городе? Несет ли зелень здоровье или копит осадки вредных выбросов (набережная в Парке культуры)?

Что приносит нам комфортная среда? Комфорт и гиподинамию?

Город всегда был и сейчас является концентратом инфекций: в средние века – чума, сейчас – грипп. Это скопище и главный производитель мусора. Впрочем, это уже планетарная проблема: пластик сбивается в острова в океане, его глотают рыбы, а мы едим их вместе с пластиком.

Город вреден? Однако для слабых и маломобильных только он и пригоден для жизни. Так и звери: в неволе они живут дольше, а белые львы, к примеру, выживают только в неволе.

Парадоксально, но разговор на эту тему в Иркутске был необычно благостным для наших круглых столов: наши лучшие друзья – солнце, воздух и вода; там, вблизи Байкала, они первоклассные. Однако статистика по продолжительности жизни не очень совпадает с этим оптимизмом: две столицы вместе с республиками Северного Кавказа находятся в первой четверке, а Иркутская область – примерно шестидесятая. Красноярск чуть выше, несмотря на смог и жуткую экологию.

Константин Лидин Понятие «здоровье» очень неопределенно и, к тому же, сильно меняется с течением времени. Можно проследить, как менялись представления о здоровом городе, о здоровом дизайне. Внятно сформулировать получилось у Жюль Верна. У него в совершенно замечательном произведении «500 миллионов бегумы» получивший гигантское наследство француз строит город счастливых людей – здоровый город. Основа здоровья заключается в том, что в каждом доме есть канализация и ванная. В конце XIX века считалось, что этого достаточно для здоровья людей. С тех пор многое изменилось. Я уже полгода живу в Восточной Европе; продолжительность жизни здесь одна из самых высоких: очень заметно, что люди живут долго. 70–80 лет – это вполне активный возраст. У меня лично есть несколько знакомых, которым за 80, и они вполне бодрые, полноценные, активные члены общества, что для Иркутска выглядит странно. Не знаю насчет Москвы. По данным Всемирной организации здравоохранения, детская смертность в Болгарии одна из самых низких в мире. Что на это влияет? Озелененность? Может быть. В Софии нет такого квартала, места, от которого больше пяти минут пешего хода до парка. Если из дома идти больше пяти минут до зеленого массива – это уже неблагоприятное место, и люди там стараются не жить. А может быть, влияет уровень тревожности? Он гораздо ниже – люди не боятся друг друга, что очень контрастирует с российскими городами. Низкая детская смертность обусловлена хорошим

отношением к детям? Если на улице взрослый человек начнет кричать на ребенка, то прохожие вызовут полицию. Тем не менее, однозначно решать вопрос о здоровье оснований у нас не хватает. Чем больше мы посадим деревьев, тем здоровее будем? Вот сейчас в Болгарии очень красиво, все вокруг цветет, но я – астматик и очень страдаю. Озеленение мне здоровья не добавляет.

Андрей Асадов В проекте «Медицинский центр в Сколково» мы пытались реализовать принципы здоровой архитектуры, по поводу которой подробно общались с коллегами. Мы постарались сделать некий оазис архитектуры, тем самым ответить для себя на вопрос: «Что такое здоровые здания, здоровая архитектура?» И в процессе работы сформулировали пять простых принципов, благодаря которым любое здание, независимо от функций, может позитивно влиять на человека, место, приносить ценность в город и окружение. Первый – внешний облик здания несет позитивный заряд. В проекте больницы мы постарались перевернуть саму ее философию: больница кажется чем-то монументальным, грубым, уже своим видом показывающим, что отсюда человеку не выбраться живым. Мы хотели создать приветливый, легкий, приглашающий образ здания, поэтому сделали нетрадиционный облик, использовали непривычный материал. Например, все фасады – стеклянная оболочка (объект находится в Сколково, а это типично для них), имеющая хорошую энергоэффективность. И поверх вуалью на оболочку надеты солнцезащитные ламели – вертикальные полоски, расположенные часто и со сдвигами, образующие некую кардиограмму, оборачивающую данное здание. Этот легкий образ продолжается в интерьере.

Второй принцип – здание, предназначенное для лечения, должно быть здоровым само по себе. Иметь здоровый микроклимат, принципы салютотенного дизайна, большое количество солнечного света, мягкие позитивные цвета, воздух и просторность.

Третий принцип – функциональность всех помещений.

Четвертый – многофункциональность пространств. Когда мы заходим в больницу, то попадаем в центральный атриум – огромное универсальное пространство,

которое может гибко трансформироваться. Даже мебель мы спланировали так, что из нее, как из конструктора, можно собирать разные конфигурации: презентацию, выставку; получились модульные конструкции. Ведь, помимо основной части, там есть разные зоны: научные, конференц-зоны – штаб будущего кластера, где сидит команда кластера и привлекает разных специалистов из разных стран. Они приглашают молодых специалистов и врачей для стажировки со всей страны и прокачивают их на современном оборудовании, тестируют сложные операции.

Пятый принцип – архитектура, которая вращается вокруг человека и создает наиболее благоприятную среду. Это целый ряд принципов, куда включены планировочные, цветовые, естественная среда, отделочные материалы, дизайн, планировка, которые нацелены на то, чтобы побуждать человека к общению, к взаимодействию – проявлять задачи, которые заложены в самом здании. Например, в коворкингах, трансформируемых и многофункциональных зданиях очень хорошо читается свободное открытое пространство, стимулирующее к общению, нестрогим действиям, к рождению новых идей. То есть пространство, стимулирующее людей развиваться и реализовываться в нем. Такие идеи и принципы мы применили в данном здании, но и в целом мы стараемся применять принципы здоровой архитектуры в каждом проекте. Понятие здоровой архитектуры всеобъемлющее. Для меня смысл здоровой архитектуры – раскрывать потенциал человека. Поэтому мы вместе с коллегами и большой междисциплинарной командой обсуждаем понятие здоровой архитектуры и стараемся максимально широко внедрять ее принципы в проекты, которыми занимаемся сами.

Сергей Чудаков Андрей хорошо продолжил тему. Она очень интересная и не так проста, как нам хотелось ее видеть. За всю историю человечество делает «заход» на эту тему неоднократно. Она точно не родилась в XX веке. В XX веке, в период массовой застройки, она просто предельно обострилась. Когда мы, например, говорим о штучных объектах на Руси (я не буду брать лачуги для бедняков), то и русская изба, и дворец князя

всегда были грамотными жилищами. Попытки заселять людей в какие-то объекты при фабриках – бараки, хрущевки (таких примеров много не только в СССР, но и за рубежом) – создают некую обезличенность. По сути человек заселяется не в «соту», которая является гармоничной архитектурной единицей, а в клетку с квадратными метрами, которая безлика как внутри, так и снаружи. Это очень серьезно повлияло на наши представления о состоянии здоровья. Подобным образом строились и больницы, и детские сады... У нас есть достойное четкое оправдание – мы восстанавливали страну после войны, и нам нужно было людей просто-напросто заселить. Но сейчас нужно практиковать совершенно другие ориентиры. Человек, пока он будет чувствовать себя животным в клетке, безусловно будет болеть, как болят животные на фермах, где их искусственно поддерживают. Сейчас мы вправе рассчитывать на другой уровень жилья; к счастью, это ярко демонстрируется во всех городах России и за рубежом также. Появляются совершенно другие объекты – это штучная, пусть и типовая застройка, с совершенно другими планировочными, цветовыми решениями, и люди в этом пространстве совершенно по-другому себя ощущают. Почему для нас, медиков, это важно? Человек не заболевает в медицинской отрасли, он заболевает вне медицины: на работе, дома, от безысходного взгляда на жилье. И когда попытались применить количественные показатели, оказалось, что это измеримо, что можно влиять на эту ситуацию. А дальше возникает вопрос об инструментах влияния. Об этом говорили древние – ориентировка на местность, это очень важный фактор. Никто не отменял силовые линии земли: неправильно построенное здание входит в диссонанс с живым организмом. Второй важный момент, о чем всегда говорилось, хотя и было запрещено – строительство объектов на кладбищах и захоронениях. У нас масса таких объектов. Ярким примером является Триумф-палас на Соколе. В таких зданиях человек обязан болеть, потому что кладбище с точки зрения энергетики и биоэнергетики – «гиблое» место. Там нельзя строить никогда, но земля в Москве дорогая. Мы это наблюдаем как медики, как специалисты превентивной медицины. Появилось удивительное понятие «раковый подъезд»:

люди, которые живут на геопатогенной зоне вверх по стояку, болеют, и многие, к сожалению, болеют онкологией. О цвете, геометрии формы, материалах коллеги расскажут лучше меня.

Иван Таранов Константин сказал: мы не понимаем, что такое здоровье в принципе и как его определить. Я тоже об этом задумывался. ВОЗ выдала всеобъемлющий тезис: «Здоровье – это состояние полного физического, психологического и социального благополучия, а не просто отсутствие болезней и недомогания». Когда мы говорим о здоровой среде, это не значит, что люди не будут заболеть инфекционными заболеваниями. Сначала у нас были ГОСТы, СНиПы по качественному строительству зданий – теперь крайне редко люди погибают от травм или заражаются инфекционными заболеваниями из-за некачественной построенной среды. Сейчас медицина дошла до такого уровня, что может справляться с большинством инфекционных заболеваний, но появляются неинфекционные заболевания – стресс, синдром выгорания, депрессия, офисный синдром – множество болезней, которые приводят к ослаблению иммунитета, к инфекционным и другим заболеваниям. В 1997 г. ВОЗ обозначил, что ареной борьбы с этими заболеваниями должно стать место, где человек проводит большее количество времени. Мы долгое время приходили к этой концепции, в рамках которой сейчас работаем. Важно понимать, что принципы здоровой архитектуры не начнут реализовываться, пока это не станет массовой общей идеей, которая будет выгодна не только с точки зрения здоровья, но и с точки зрения экономической выгоды для различных участников системы; также это должно быть и экологически правильно сделано. К вопросу здоровой архитектуры нужно подходить комплексно и одновременно решать все вопросы. И такие системы есть. Наша ассоциация совместно с Институтом междисциплинарной медицины и Международной Академией дизайна и здоровья выработали несколько пунктов, которые должны быть в каждом здании, но представлены в разных формах. Как мы обозначили, это синергические решения в различных формах. Первое – это активная среда: велодорожки, парки. В этом пункте любое реше-

ние с научной точки зрения должно быть обосновано. Мы не можем просто посадить деревья. В Москве проводилось исследование: когда сажали деревья вдоль скверов, потом в этих местах из-за ухудшившейся проветриваемости скапливались автомобильные газы. Мы не можем просто сказать: «зелень – это хорошо». Каждое явление может быть хорошим или плохим с разных точек зрения и приводить к разным результатам, поэтому все должно быть научно обосновано и рассчитано. Здоровая пищевая среда. Чистый воздух и микроклимат: проветриваемость, особенно в спортивных учреждениях (сейчас есть специальные системы вентиляции с фильтрами). Чистая вода. Доступ дневного света в помещения – это одна из фундаментальных функций. У человека есть ритмические часы, и любое освещение должно быть синхронизировано с этими ритмами – это научно обоснованный факт. Приходим на работу затемно – нужен определенный свет, вечером, например, нужен более теплый свет. В Институте междисциплинарной медицины уже это реализовали: лампы, которые могут добавлять определенные оттенки цвета, например, обычный белый, а по кромке зеленый и другие цвета, которые способствуют продуктивности, отдыху и т. д. Хочу акцентировать внимание, что решения, которые улучшают здоровье, уже экономически выгодны. Когда мы занимались переоборудованием офиса (500 кв. м), потратили около миллиона рублей, чтобы поставить новые лампы. Экономический расчет показывает, что через 7,5 лет эти лампы полностью окупятся за счет того, что они более экономичные; при этом мы не упоминаем об улучшившейся продуктивности сотрудников. Акустический комфорт в шумных помещениях. Здоровая природная среда. Активный транспорт, успешная социализация и эстетическая среда – это последние три пункта. Важно, что, попадая в такую среду, человек должен интуитивно понимать, что для него лучше – это понятие называется социальное подталкивание и легкий выбор. Хороший пример: когда мы входим в лобби отеля, перед нами стойка ресепшен. И нам говорят: «Пройдите туда-то на лифт». А если бы была большая лестница, мы бы подтолкнули себя к ней и не искали бы лифт.

ЕГ Очень многое из того, что вы говорите – общеизвестные факты, этому нас учили еще в Советском Союзе. Тем не менее, на практике путь реализации сильно осложнен. Очень редко проект сопровождается предпроектными исследованиями. В простом проекте благоустройства должны быть не только социологические исследования, но и экологические, и по вашему, медицинскому профилю. Каким вы видите путь внедрения благих намерений, великолепных знаний, результатов изысканий в нашу отечественную суровую действительность?

Анастасия Чурилова Первое, что к этому ведет – введение зеленых стандартов. Это не касается только лишь зеленых насаждений, как мы привыкли, а зеленых в том смысле, что они умные. На данный момент наш институт занимается разработкой собственных стандартов, по которым должны строиться здания. К этому мы прикладываем определенный знак качества.

ЕГ Это не те зеленые стандарты, которыми пользуется сейчас мировое сообщество?

АЧ Мы хотим провести собственные исследования, провести аналогию с международным опытом и стандартами и адаптировать их под Российские реалии. На данный момент общепризнанных глобальных есть три – LEED, BREEAM и WELL. О человеке из этих трех заботится только WELL. LEED и BREEAM в основном направлены на энергосбережение, ресурсоэффективность, снижение эксплуатационных расходов и бремени на экологию. По стандарту уже сертифицировано более 600 зданий в 31 стране мира, и это число продолжает расти. Но в России зданий, построенных по стандарту WELL, пока нет, даже на самом низком уровне – «серебро». С LEED и BREEAM ситуация другая: в них легче и дешевле получить «проходной балл» для получения сертификации он намного ниже, чем в WELL.

ЕГ Одну из башен Москва-Сити объявили соответствующей этому уровню.

АЧ Да, по всей России и в Москве, в частности, есть несколько объектов, сертифицированных по BREEAM и LEED. В основном это объекты, построенные к чемпионату мира по футболу, и бизнес-центры. Мы в Институте за то, чтобы предварительно был научный и аналитический подход. Помимо этого, мы за то, чтобы на каждом объекте при проектировании присутствовал аккредитованный специалист-консультант по оздоровительным и ресурсосберегающим технологиям. К сожалению, таких специалистов мало, и мы сами сталкиваемся с проблемой, когда компании заказывают консалтинг для уже построенных зданий. Одной из таких была энергетическая компания, проблемой которой являлась низкая продуктивность работы сотрудников (сотрудники были вымотаны, присутствовал высокий уровень стресса, высокая текучка кадров). Их фабрика прошла по всем СНиПам идеально, к этому претензий не было. Они обратились к нам за советом непосредственно по среде: почему так происходит? Из основного – это качество освещения, качество воздуха, график смен работников (12-часовой день, 4 смены в неделю), удаленность ближайшего крупного населенного пункта (несколько часов езды от объекта). Мы предложили, несмотря на экологическую ситуацию вокруг, типовые проекты энергоэффективных жилых домов: это очень дешево; во-вторых, не требует никаких затрат на их содержание. Было очень приятно, что компания, после всех наших переговоров, глубокого консалтинга и аудита от наших экспертов, согласилась внедрить определенные предложения: предоставить место людям для сна между сменами, произвести модернизацию их среднего оборудования, улучшить вентиляцию на производстве.

ЕГ Вы коснулись того, что планируете влиять и на нормы. Нормы следует менять? Какие именно?

АЧ Очень щепетильный вопрос. Мы считаем – да. Некоторые из них на данный момент устарели, над ними определенно нужно работать специалистам смежных областей. В данном вопросе возможно создание структурного подразделения, которое на данный момент есть только в Великобритании, где Министерство здравоохранения инвестирует в специальное направление – «Urban Health». Их задачей является интересная междисциплинарная область – определение того, как здания влияют на здоровье людей, и последующие предложения изменений градостроительных планов. Нам необходима такая же государственная структура для решения задач на национальном уровне.

Елена Булгакова Вопрос к Сергею Викторовичу: насколько город Москва здоровый? Мне кажется, у нас не все так плохо. Конечно, чистота воздуха, микроклимат и акустический комфорт страдают, а все остальное есть. И вопрос к Андрею Асадову: как удастся соблюсти жесткую технологию и дать гибкие планировочные решения?

Сергей Гнедовский Говорить о Москве довольно сложно, потому что город очень неоднороден, с разными условиями и традициями жизни. Если говорить об исторических районах, то их можно, на мой взгляд, отнести к комфортной части городского пространства: она наполнена исторической памятью и современным содержанием, обеспечивается определенное психологическое равновесие, которого недостает в районах современной массовой застройки. Помимо того, есть и системы обслуживания, уклад жизни. Что касается районов массовой застройки или отдельных мест реновации – то в них возникают проблемы. Одной из них является пространственная и социальная однородность, это основа для стресса и дискомфорта, которая приводит к негативным последствиям, проявлениям нездорового образа жизни. Следующие проблемы массовой застройки – скученность, низкий комфорт жилья, отсутствие разномасштабности архитектуры, отсутствие качества, собственного исторической застройки – возможность читать город как текст (когда мы идем по улице, мы рассматриваем дома друг за другом, как будто читаем сложившийся текст), возможность культурно себя идентифицировать, находить для себя комфортные места. Историческая (сложившаяся) застройка дает свободу выбора, в новой застройке в ее худших примерах, она, как правило, отсутствует. Ей необходима разномасштабность, разнонасыщенность. Это и есть одно из условий психологического комфорта. Здоровье – это некое вибрирующее, колеблющееся состояние между организмом и внешним миром, оно неустойчивое, зависит от физического состояния человека, возраста и т. д. Маловероятно, что есть специальный рецепт комфорта: нельзя сделать человека счастливым, он может это сделать только сам, выбрав из того, что ему предлагается, то, что ему нужно. Или создать самому комфортное жилье или среду в малом городском или сельском поселении. Нам же, как правило, предлагается определенный «набор счастья»: детская площадка, парковка, урна, скамейка – и будьте счастливы. Необходим контакт между тем, кто создает комфортную среду и теми, кто в ней обитает – в этом заложена главная проблема. Одним из инструментов ее преодоления являются предпроектные исследования, позволяющие в ходе проектирования находить индивидуальные решения, раскрывающие потенциал и специфику места. Предпроектные исследования – важнейшая часть проектного процесса, потому что они предполагают поиск решений, органичных для данного места. Андрей Асадов в своей работе смоделировал, исходя из пони-

мания того, что нужно клинике и пациенту, ценности, сформулировал принципы, спроектировал качественную архитектуру. Москва сложная: где-то есть комфортные зоны, где-то – зоны, связанные с плохой экологией, где-то – связанные с шумом. В крупном городе такие проблемы так или иначе будут – это объективная реальность нашего XXI века. Но не забываем: существует право выбора. В Берлине, например, 60% – это рентное жилье. Люди выбирают для жилья то место, которое соответствует их конкретным потребностям в тот или иной период жизни. Этот опыт у нас только прививается. Если говорить о здоровье нации, о стратегии будущего, в важном вопросе градостроительной политики мы находимся в довольно сложной ситуации. В нашей колоссальной по размерам многомиллионной стране из 140 млн. человек 107 млн. живет в городах. Произошло это в силу существующей политики: неравномерное распределение трудовых ресурсов в стране, политике выморачивания экономически невыгодных территорий, создание крупных городских агломераций. Последнее – это проблема 107 млн. граждан, съезжающихся в агломерации и порождающих те самые проблемы, о которых мы с вами говорим. Это вопрос государственной политики.

АА Я хотел обратить внимание, что реновация – это шанс повернуть тему депрессивной среды современных районов к созданию нового качества. Не зря к участию в этой программе было привлечено немало профессиональных архитектурных бюро и в рамках конкурса, и в рамках текущих проектов планировок. Для нас в данном случае был повод переосмыслить среду: чего можно добиться в рамках жесткого экономного жилья, приблизив его к европейскому уровню. И мы доказали, что возможно; наши предложения были подтверждены точным экономическим расчетом. Концепция называется «Неспальный район». Мы показали, что каждый район, преобразуясь, трансформируясь с помощью реновации, может стать полноценным пространством для жизни: и местом проживания, и местом труда. Мы просчитали, что примерно 20% нежилых помещений, расположенных на 1-х и 2-х этажах, могут обеспечить всех трудоспособных жителей. Они могут снять жилье в данном районе, нигде не выезжая. Тогда транспортный трафик сильно падает. Такая возможность есть, и постепенно, с течением времени, с футуристической направленностью, возможна реализация в течение последующих 50-ти лет. Наша задача как архитекторов – с помощью реновации задать максимальную планку, несмотря на противодействующие факторы. Город должен показать уровень доступного жилья, который может быть, и Москва точно может себе это позволить. Мы сложили все эти факторы, начиная с квартальной застройки и правильной расстановки домов. Тогда квартал становится естественной границей между общественным и частным пространством, дома образуют фронт улицы – это полноценная традиционная европейская улица с широкой пешеходной зоной, зоной проезда машин, с парковками вдоль дорог, зелеными зонами. Все общественные функции выходят на эту улицу, благодаря этому она получается насыщенная, неспальная. А дальше сами дома образуют приватную зону для жильцов внутри двора и одновременно – стилобат для парковок с максимальной изоляцией транспорта и насыщенностью пешеходными пространствами. Как один из принципов мы предложить крыши сделать эксплуатируемыми – это дополнительный бонус для верхних этажей, а у первых этажей расположены небольшие террасы-патио. Фасады выполнены из качественных материалов: кирпич, керамика-терракота. Все эти элементы влияют на общее качество среды. Когда экономисты посчитали возможную стоимость жилья в районе, построенном по данным принципам, они поняли, что он сопоставим с районами

бизнес-класса. Цена чуть ли не в полтора раза больше, она покрывает все расходы по реновации, а при необходимой плотности еще и приносит прибыль городу. Это была большая неожиданность для нас самих. Качественная среда может автоматически повысить коммерческую привлекательность застройки. Город как стратегический девелопер должен это понимать, в отличие от коммерческих застройщиков, которые не обладают такими инвестиционными ресурсами.

При работе с объектами медицины (клиника в Сколково и Центр детской гематологии, а также реконструкция Центра акушерства и гинекологии на ул. Опарина) важным фактором являлась готовность врачей: с самого начала они были заряжены идеей создания совершенно нового – позитивного, «выздоровливающего» – образа больницы. Мы работали вместе с замечательной компанией, которая обеспечивала объект сложными технологиями. Всего лишь реконструкция существующих корпусов на уровне фасадных решений, не затрагивающая жесткие медицинские технологии, показала, что так можно создать красивый градостроительный ансамбль.

ЕГ Сергей Викторович и Андрей затронули две важные темы. Разнообразие – текст городского пространства – должен читаться увлекательно. Часть центра исторического Иркутска пострадала от монофункции: стихийная торговля оккупировала несколько кварталов и привела их в абсолютно негодное состояние, позор для исторического города. Эта проблема породила проект «Иркутские кварталы»; сейчас мы насыщаем эту территорию разнообразием, пытаемся вернуть жилую функцию, культуру, образование и т. д. Разнообразие – один из пяти постулатов нашего проекта. Множественность функций, множество нюансов городского текста создают интригу, сюжет...

Андрей, рассказывая о «Неспальном районе» и типологии жилья, сделал акцент на то, что происходит на крышах и на первых этажах. Во времена засилья типовой застройки архитектор В. А. Павлов ввел в Иркутске новый тип дома, преобразовав самые непопулярные первый и последний этажи. В объявлениях об обмене квартир про них писали «не предлагать!». Павлов сделал эти этажи привилегированными: первый этаж имел дворик-патио, последний этаж с квартирой в двух уровнях имел террасу (прообраз пентхауса). Это имеет отношения и к вопросу разнообразия: хрущевская пятиэтажка получает другой архитектурный образ. И это абсолютно не требует глобальных затрат.

АА Самое интересное, что мы все эти решения постарались вписать в бюджет района. Мы показали, что интеллектуальные усилия архитекторов могут создать, при тех же деньгах, среду совсем с другими качествами.

КЛ Я хотел бы обратить внимание, как мы плавно ушли в методологическую мешанину, перепутав понятия комфорта, здоровья и счастья. Они у нас слиплись воедино, хотя это совершенно разные понятия; очень часто комфорт вредит здоровью. Например, фастфуд очень комфортная, полноценная форма питания, но вряд ли кто-то будет защищать его и говорить, что он помогает здоровью. Конечно, развитая транспортная система в городе – это очень комфортно, но людям, конечно, здоровее ходить ногами и т. д. Комфорт и здоровье – это очень часто противоречивые вещи. Относительно счастья, конечно, тоже много неясного. Две международные команды ведут мониторинг уровней счастья. По той и другой версии наиболее счастливые страны находятся в Карибском бассейне и в Юго-Восточной Азии. Великобритания действительно много усилий прилагает, но результат не очень утешительный: при наличии мощной правительственной экспертной структуры результат нулевой или почти нулевой. И по комфорту она не является

образом, в отличие от Дании или, скажем, отдельных городов Канады. Я – обычный житель обычного восточно-европейского города, столицы довольно крупного европейского государства. Здесь проблем достаточно: и дороги разбиты, и парковок не хватает, коммунальные услуги дико дорогие – все это здесь есть. Не надо кивать на Европу, здесь нет такого идеала, с которого можно было бы снимать копии. Ждать, что обо мне кто-то позаботится – не дожидусь. Крупный бизнес занят своими прибылями; мелкий бизнес – битвой с чиновниками; государственные структуры пишут документы друг другу, в этом их главная задача и цель существования. Не будет никто из этих крупных игроков заботиться о здоровье населения, это им не нужно. Давайте перестанем себя обманывать. Нам нужны какие-то общие, понятные принципы здорового образа жизни в городе, чтобы мы сами могли об этом позаботиться. Что может архитектура предложить мне, обычному горожанину?

АА Согласен с тезисами. Среди участников в процессе городского развития только архитектор воспитан изначально, по природе своей профессии, он понимает, возможно ли учесть интересы и города, и застройщика, и инвестора, и жителей. Как это все учесть, объединить и направить к общей цели. Обеспечить комфортную среду. Поэтому в наших реальных проектах мы, по возможности, стараемся реализовывать эти принципы. Мы их понимали на интуитивном уровне, а с некоторых пор осознанно формулируем и перечисляем. И в виде манифеста рекламируем в более масштабных проектах. Я убежден, что архитектор в силу синтетического мышления как дирижер, как режиссер может эти интересы объединять, предлагать, каким образом достичь состояния благоприятной среды.

ЕГ Это так, и архитектор должен и может это делать, но на практике не всегда получается. Все понимают, что не архитекторы принимают решение, например, размещать ли жилую застройку на кладбище.

СЧ С кладбищами все понятно, хотя тема глубокая и требует отдельного обсуждения. Я хотел бы поднять тему материалов, она очень важная и имеет отношение к обсуждаемому вопросу. Задача медиков в данном случае – некий надзор за стандартами среды. И мы сталкиваемся с некоторыми проблемами. Например, столкнулись в период стандартизации здравоохранения – это программа, которая прошла совсем недавно, по которой было построено большое количество объектов, появилось большое количество техники. В этот период строители стремились обойтись «малой кровью»: отделочные материалы, которые применялись в данных постройках, необходимо было заменять: линолеумы, краски, отделка стен. Мы сейчас сосредоточены на пожаробезопасности. Мы мало сосредоточены на том, что посетители муниципальных объектов дышат этим всем, дышат жители, живущие в своих собственных квартирах, и болеют. Медики столкнулись с совершенно новой формой болезни. Раньше мы говорили, что болезни цивилизации от того, что люди употребляют фастфуд, мало двигаются, переживают стрессы. Сегодня отделочные материалы и мебель являются мощнейшим фактором заболеваемости. Мы склеиваем материалы, пары от хлорвиниловых покрытий испаряются, и мы этим дышим. Наряду с едой это, по мнению международных экспертов, – один из важнейших трендов возникновения заболевания. Момент управляемый – неуправляемый. Большую роль играет неграмотность тех, кто застраивает и отделяет социальные помещения: использование дешевых материалов уменьшает расходы и обеспечивает соблюдение экономии бюджета. Это касается и тех, кто покупает своим сотрудникам мебель в офис: они не понимают,

что это скажется на работоспособности сотрудников. Ряд веществ, о которых идет речь, проникают внутрь разными путями: через кожу, через дыхательные пути – влияют на функцию гормональной системы, полностью дезорганизуют деятельность организма.

ЕГ А как обстоят дела с сертификацией?

СЧ Сертификация – это, как статистика, – «продажная девка империализма». Как проводится сертификация? Нет острого токсического эффекта (три месяца) – и этого достаточно, и протаскивают так называемую экономию. Не учитывается, что токсический эффект наступает через несколько лет; что есть очень важные кумулятивные моменты. Мы боремся с этой ситуацией. Мы побуждаем людей выводить эти токсические продукты из себя, но надо же думать, чтобы они туда не попадали.

ЕГ К каким болезням могут привести неправильные отделочные материалы?

СЧ Вплоть до онкологических заболеваний с доказанными эффектами, с опытами на лабораторных животных. Это хорошо разработанная тема, но она сильно не афишируется. Люди должны иметь возможность свою квартиру обставить. В маленьком городе люди должны отделать свою больницу хоть чем-то, нет у них больших денег.

Константин Антипин Строительство на кладбищах – это не какое-то новое явление, оно возникло даже не в XX веке. При каждой приходской церкви в городе всегда были кладбища, но уже в середине XVIII века их стали застраивать доходными домами. Так Москва начала уплотняться, и появились те самые узкие улочки центра, которые сегодня все так любят. Плотность застройки и ее непрерывность – это ключевой фактор комфорта городской среды, обеспечивающий жителей инфраструктурой. Сегодня в качестве некоего идеала при реновации в Москве пропагандируется квартальная застройка с дворами без машин. Тем не менее, в процессе стремления к этому «идеалу» теряются главные достоинства – непрерывность застройки и комфортные улицы. Ведь машины, вытесненные из дворов, оказываются именно на улицах.

В Советском Союзе при всей массовости застройки перед ее началом были произведены масштабные исследования по типологии жилья. Все дома соответствовали минимальным требованиям среднестатистического человека и были ответом на стремительный рост населения. Несмотря на то, что аскетичные хрущевки предполагались как временное решение, по мере их строительства количество людей, нуждающихся в жилье, не снижалось, и приходилось увеличивать высоту застройки сначала с 5 до 9 этажей, затем с 9 до 16, а потом и еще выше. В попытках угнаться за темпами роста населения не хватало времени на то, чтобы решать проблемы по разнообразию и выразительности архитектуры. Также уходило на второй план и благоустройство пространств между домами. Но ошибочно думать, что все эти проблемы не поднимались еще тогда; просто инерционность строительной индустрии не позволяла архитекторам их решать, хотя решения и предлагались. Так, проблема однородности архитектурной среды поднималась еще в 70-е годы. И тогда был объявлен конкурс на проектирование экспериментального микрорайона в Тропарево-Никулино: случилась небольшая пауза в погоне за потребностями населения в жилье. После нее в Москве несколько увеличилось разнообразие типовой архитектуры.

По поводу чтения города как текста. Сегодня принято критиковать советскую архитектуру и смотреть на нее как на что-то серое и однородное. На деле же и во второй половине XX века создавалось немало интересней-

ших индивидуальных проектов. Просто сегодня они в нашем восприятии того периода тонут в океане типовых домов. Тем не менее, гуляя по Москве, можно и вне Садового кольца увидеть немало интересного даже в районах с, казалось бы, сплошь индустриальной застройкой.

Но в советские годы в условиях плановой экономики существовал совершенно иной подход к организации городских пространств. Если в плотной квартальной застройке благодаря рыночной экономике все цокольные этажи улиц занимают разнообразные магазины и предприятия обслуживания, покрывая потребности живущих вблизи людей, то в отсутствие конкуренции в советской микрорайонной застройке вся инфраструктура существовала ровно в том количестве, в котором она была минимально необходима населению конкретной территории. И это в определенной степени стимулировало людей к большому передвижению внутри своего микрорайона и вне его, а свободная планировка расширяла вариативность маршрутов этих передвижений. Какой стимул к движению будет у жителей новых районов, если вся инфраструктура и даже работа находятся в шаговой доступности?

АЧ Мне кажется, у нас произошла путаница понятий. В моем контексте урбанистика – это не что-то современное, а урбанистика в целом. Мы ни в коем случае не советуем людям строить 80-этажные здания, говоря, что это комфортно. Наоборот, мы за разноплановое жилье, за дифференцированную типологию. Вспомнилось начало разговора о том, что самые грязные зеленые насаждения выявлены вдоль Москва-реки. Так может быть, это хорошо? Эти загрязнения не идут дальше в город. За пределами этих зеленых зон люди не дышат вредным воздухом. У бюро градостроительства в Великобритании было исследование: как зеленые насаждения влияют на воздухопоток в городе. Мы говорим, что нам нужно проводить такие же исследования, чтобы понять, как все это работает в наших городах. Это поможет нам не только слепо следовать «зеленым стандартам» в мире, а понимать их и создать свою собственную научную базу. Мы должны работать над тем, чтобы понять и донести до общественности, как зеленая архитектура и самотогенный дизайн работают в России. Здесь следует говорить о преемственности опыта аналитики и проведения исследований. Например, банальная ситуация: многие говорят, что ковровое покрытие – это плохо, это рассадник бактерий и пыли, но при этом оно поглощает всю пыль. Может быть, при должном уходе это лучше, чем, например, вездесущий дешевый линолеум? То же самое мы можем сказать про тканевые жалюзи на окнах, тем более, что сейчас есть специальные пылепоглощающие и бактерицидные разработки. Далее, оконные фильтры – спорная тема для города – они фильтруют частицы от 2-х микрон. Выявили, что мелкие частицы попадают в организм и вызывают респираторные и неврологические заболевания.

ЕГ Получается дистиллированный воздух?

АЧ Вопрос: получится ли он? На этот счет идет полемика: из исследований производителей оконных фильтров получается, что это самая нужная вещь в вашем доме. Но лично нам кажется, что не хватает исследований, которые проводятся независимыми организациями. Нет финального вердикта, который говорит: а так ли это на самом деле и хорошо ли это? Насколько хорошо жить в инкубаторе? Если через 10 лет мы будем жить в таких стерильных условиях – не приведет ли это к тому, что нашему собственному иммунитету придет крах?

ЕГ Байкальская вода является, возможно, таким аналогом; она настолько чистая, что в ней нет необходимых

для жизни элементов, в частности, йода, и это большая проблема для тех, кто живет в Байкальском регионе.

КЛ Я бы хотел обратить внимание, что есть конструктивное определение здоровья, оно, правда, не совсем медицинское. Здоровье – это глубина гомеостаза. Насколько человек способен приспосабливаться к меняющимся условиям – настолько он здоров. Если, например, человек простужен, он не может выдерживать охлаждение, а здоровый выдерживает охлаждение и потом восстанавливается. Создавая комфортную среду, мы притупляем, а иногда и разрушаем компенсаторные механизмы человека. Мы делаемся гораздо более болезненными и зависимыми от этой среды. Я бы хотел обратить внимание, что в глобализующемся мире есть множество сил, которые заинтересованы в эскалации зависимости людей. В Болгарии очень много представительств транснациональных компаний, которые, на первый взгляд, кажутся весьма человеколюбивыми. В течение рабочего дня каждые 40 минут производственная гимнастика, в середине дня развозят обязательный обед, 3–4 разновидности фастфуда, и ты не имеешь права его не съесть. Если ты этого не сделал – тебя штрафуют. Фирма нанимает квартиру, машину, оплачивают квартплату – только работай. Такое ощущение, что родной отец заботится о своих детях хуже, чем фирма о своих сотрудниках. На самом деле людей превращают в монофункционалов, которые, кроме работы в своей узкой области, ничего не могут, которые вынуждены оставаться на одном месте всю жизнь, потому что как только он его покинет, он не будет знать, куда пойти даже за продуктами. Стремление к комфорту, подмена комфортом понятия здоровья приводит именно к этому. Следующий шаг – это Матрица, как в фильме братьев Вачовски: мы все лежим в ваннах, и наша жизнь нам кажется полноценной. Нельзя делать среду безгранично комфортной – она убьет, разрушит наше здоровье. Нельзя безнаказанно делать больницы веселыми и привлекательными, потому что людям будет нравиться болеть: люди с удовольствием будут ждать следующего повода пойти в больницу. Разумеется, они себе такой повод организуют, особенно дети. Все мы прекрасно знаем, что, если у ребенка повышенная потребность привлечь к себе внимание родителей, он начинает болеть каждую неделю. С этим нужно обращаться очень аккуратно – подмена понятий совершенно небезобидна. Фальсификация очень опасна. Между прочим, линолеум происходит от слов «лин» и «олеум» – льняное масло. Это природный материал, очень здоровый – мешковина, пропитанная льняным маслом и пробковой пылью. Угроза здоровью появилась оттого, что его фальсифицировали при помощи поливинилхлоридных смол, из которых испаряется пластификатор и вызывает букет последствий. Здесь, в Болгарии, мы наблюдаем, как разрушают сельское хозяйство: в магазинах появляется стерильное стандартизированное немецкое мясо, потому что коровы выращиваются в искусственной среде. Как это все будет влиять на людей во втором и третьем поколении, никого не интересует. Ведь крупный бизнес заинтересован в том, чтобы люди жили мало, работали много, потребляли стандартно и умирали в день выхода на пенсию. И правительства тут ничем не отличаются от крупного бизнеса, им так же не нужна здоровая городская среда. Единственный вариант создания здоровой среды – это больше доверия самим людям. Не надо забывать, что люди не хомячки. Притцкеровскую премию в прошлом году получил Алехандро Аравена: он доверяет жильцам, он им отдает значительную часть работы по созданию конечного образа жилого пространства. Это единственное направление, в котором мы реально можем достичь здоровой среды.

СЧ Интересные вопросы подняты, и прозвучали спра-ведливые вещи. Как врач я хотел бы обратить внимание, что сколько бы воздействий не было на человека, все они в итоге реализуются примерно одинаково. Все, что нам не нравится извне, приведет к одному и тому же резуль-тату. Природа не столь разнообразна в выборе способов преодоления стресса: стресс многообразен, а реакция одинакова. Поэтому мы должны, когда говорим о здоро-вье и окружающей среде, понимать, что в конечном счете снижение уровня стресса будет отражаться на продолжи-тельности жизни. Стресс мы зачастую понимаем прими-тивно, хотя о нем много написано. Стресс – это избыточ-ное постоянное повреждение человека. Не тренирующее и не способствующее развитие.

КЛ Это дистресс.

СЧ Не буду спорить. Этот вопрос за рубежом был отработан Гансом Селье («Стресс без дистресса»), а уже в России был развит нашими советскими учеными: профессора Л. Гаркави и Е. Квакина выявили, что есть тренирующее воздействие, но они это детализировали и выявили, что человек должен подвергаться трениру-ющему воздействию. Тренирующие воздействия выли-лись в то, что мы строим фитнес-клубы, потому что все остальное не делаем в процессе жизни. Раньше человек вплетал тренировку в определенные движения, кото-рые необходимы были для выживания. Сейчас это ушло из жизни, сейчас нужно выживать психологически. По-явился другой вид стресса, но отрабатывается он точно также. Питание и негативные факторы внешней среды усугубляют эту ситуацию. Поэтому здоровая архитектура, по моему мнению, должна быть антистрессовой архи-тектурой. А среда – антистрессовой, не вычеркивающей человека из принятия решений. Человек не должен быть пассивным воспринимателем улучшения среды, иначе он действительно прекратит свое существование. Важным моментом является то, что мы бурно врываемся в период, когда человек рискует оказаться именно в этой ситуации. Потому что еще 10 лет – и произойдет тотальная робо-тизация. Сейчас встает важнейший вопрос: а чем будет заниматься человек в принципе? Новые города, которые мы будем строить, не будут учитывать понятие «поездка на работу», потому что сам процесс отменится и не будет работать в том понимании, в котором он сейчас существу-ет. Человек вернется к своим человеческим функциям: воспитание детей, уход за пожилыми и творчество. Это и будет расхолаживать: можно перепоручить производ-ственные процессы машинам, а самим наслаждаться жиз-нью. Если мы не придумаем новые эффективные формы занятости, в том числе и среду, кончится это плачевно. У российских космистов есть очень интересная книжка на эту тему, которая посвящена футуристической карти-не, когда люди достигли долголетия и бессмертия, а то, что произошло в итоге – полный апокалипсис. Основные риски проявились, когда человек стал жить бессмертно – общество оказалось жутко несчастным: они не могут умереть и не знают, чем заниматься, потому что все делают машины. Это было написано в конце XIX века, а мы вошли уже в этот период.

СГ Поэтому великий космист Циолковский придумал ракету, чтобы отправить лишних за пределы Земли.

СЧ Не надо забывать, что в 2025 году произойдет первый полет на Марс людей, которые оттуда больше не вернуться. Они оснут там колонию и потомство.

ЕГ Когда случается катастрофа, 30% людей не могут выбраться из нее самостоятельно, им нужна помощь. А остальные 70% – это салютогенные люди, которые могут сами вытащить себя из депрессии, из этой беды. Является ли нашей с вами миссией увеличить тот процент

людей, которые сами способны найти себе занятие, когда его нет, выйти из катастрофы, преодолеть стресс, воспри-нять стресс как тренировку? Возможно ли это или нет? Или такое соотношение – 30/70% – константа?

СЧ Конечно, возможно. Мой коллега постоянно поднимает этот вопрос, потому что есть внутренний протест против таких событий, которые пытаются сделать человека послушным винтом в общественном механизме. Тема не нова. Она всегда существовала, только раньше крестьяне работали на помещика... Эта ситуация лишь обострилась в постиндустриальном и индустриальном обществе. Занимаясь превентивной медициной и факти-чески отвечая за этот процесс в масштабах федеральной повестки, мы сталкиваемся с тем, что существует два образа будущего на сегодня, и они есть у людей, которые принимают решения. Первый образ будущего – теория заговора; есть люди, которые не хотят такого сцена-рия, и в том числе не хотят горожан, сидящих на игле фармкомпаний. Это мощный бизнес-план, и у него очень серьезные лоббисты.

Елена Булгакова Константин Львович затронул такую тему: здоровый город – счастливый город.

ЕГ Мне кажется, СЧАСТЬЕ – это отдельная тема и очень популярная сейчас, достойная стать главной темой одного из следующих номеров ПБ. Не случайно «Happy Spaces – Integrating Architecture and Landscape» – тема конкурса, вчера объявленного одним из китайских уни-верситетов под эгидой МСА.

Елена Булгакова Гармоничная среда и счастье. За ру-бежом спокойно встраивают архитектуру, мешают стили. Например, Тель-Авив входит в десятку самых дорогих го-родов в мире – там не однообразная архитектура, но она в жутком состоянии. Такого отсутствия эстетической сре-ды я не видела давно. Хотя есть прекрасная набережная, которая объединяет этот разрозненный город. При этом они этого не замечают. Уровень благоустройства тоже жутчайший. Мы живем в благоустроенной среде и не-счастливы, а тель-авивцы живут в жуткой среде, несмотря на существование моря, но они счастливы. При этом там каждый третий болен раком, у них постоянный стресс – их бомбят. Как с этим?

СГ Я думаю, в Тель-Авиве граждан объединяет и то, чем мы любим пользоваться – наличие общего врага, по-этому и счастливы: они противостоят. А есть еще и един-ство самосознания, которое отражается на ощущении комфорта. Что такое здоровье – это динамическое равновесие между организмом и окружающей средой. Если этот так, то нет всеобъемлющего понятия здоровья, как и счастья. Нет такого и быть не может. Это такое динамическое равновесие, которое мы, архитекторы, пытаемся создавать. Потому всякий раз решаем конкрет-ные задачи того социума, для которого мы делаем, и с той программой функций, которые требуются. Не обяза-тельно, что мы должны создавать вещи и объекты благопри-ятные, которые должны нам нравиться, потому что это спокойно. Ничего подобного. Архитектура – это иску-ство. Архитектура Френка Гери – это взрыв, который не дает никакого представления о покое или равновесии. Это эмоциональный пространственный взрыв, который необходим в культуре и в архитектуре как некий язык современной архитектуры. Но он создает ощущение современного искусства, пространства, современного существования человека в этом мире как отражения культурных процессов. Как Сиднейская опера со своими парусами стала символом времени. Архитектура многооб-разна, как и представление о счастье, покое и гармонии – это все очень разное. Мне кажется, решение вопроса – в профессионализме, культуре и знаниях, которые несете

вы и которые должны быть изложены в каких-то понятиях (как методическая система, как принципы). Мы в свое время жили по правилам, СНиПам, СанПином и т. д. Есть все сертификации материалов. У меня строится здание, где мы все материалы прописали, но из котлована под фундамент строители вынули 16 тонн костей – это бывшее кладбище XVII века, а там будут детишки и зверюшки. Это неблагоприятная ситуация, но мы вынуждены ее преодолевать, т. к. живем в XXI веке. Здесь требуются знания, исследования, информация – это все то, что необходимо, что дополняет и обогащает профессию архитектора.

ЕГ Френк Гери, кстати, родил еще и экономический термин – эффект Бильбао. Это и доход, и возрождение города к новой жизни. Успешная архитектура, которая соответствует этим критериям, она выгодна.

КЛ Конечно, любой европейский город гораздо разнообразнее Москвы. Хотя бы из-за возраста. Тут вот заходишь во двор обычного жилого дома – а во дворе ранневизантийская церковь четвертого века. Тут же рядом находятся изрядно облезлые дворцы в стиле сецессион и современная деконструктивистская архитектура. Европейский город – это такой салат, в котором намешано много чего. Москва в этом плане выглядит более единообразно. У нас сейчас идет такой международный проект: мы определяем образ счастья для жителей города. Люди очень разные, и у каждого счастье свое. Образ не повторяется, счастье абсолютно индивидуальное. Есть методы, которые позволяют его выявить. После того, как мы у человека выявляем образ счастья, мы подбираем для него уголок Софии, который с ним созвучен, и его туда помещаем. У нас такой фотопроjekt – «Разные люди в Софии». В хорошо устроенном человеколюбивом городе не принципы довлеют, а люди. Не люди служат принципам, а принципы служат людям. В достаточно разнообразном городе для любого человека может найтись место, где он себя сможет почувствовать «на месте», и там он будет счастлив. По крайней мере, у него там появится возможность почувствовать себя таким. «Счастливые люди гораздо чаще переживают смертельно опасные операции и гораздо быстрее восстанавливаются», – написал наш великий хирург Амосов. Через его руки прошли десятки тысяч сердечников со смертельно опасными ситуациями, поэтому он знает, что пишет. Счастливый человек здоровее несчастного.

ИТ Мы обсуждаем крайности, говорим: разнообразие – это хорошо или плохо? Фильтры, которые пропускают 2 микрона или 10 – это хорошо или плохо? Нельзя так однозначно говорить. Активная среда – когда мы создаем инфраструктуру для передвижения на велосипеде – вроде бы хорошо, а моей бабушке, которой за 80 – это нехорошо, неудобно. Мы говорим о предельно обширной теме – о сдвиге социальной нормы в целом. Мы приходим к новой системе, и сюда следует привязать тему социального спроса. Если есть спрос, то это будут производить. Спроса на здоровую архитектуру пока очень мало – это как люкс-сегмент.

Когда у человека спрашиваешь, что нужно делать, чтобы быть здоровым, он не скажет – нужно жить в таком-то доме. Одна из задач нашей ассоциации – это просветительская работа с населением и процесс вовлечения людей в процесс проектирования. Мы это делали много раз и продолжаем делать. Человек должен быть соучастником создания этой среды.

ЕГ Желательно – просвещенным соучастником, иначе получится профанация.

ИТ Ничего страшного. Когда это общественное движение – оно убирает экстремальные значения. Мы полу-

чаем средний результат, который устраивает и полезен для большинства. Если мы устраиваем велодорожку, это не значит, что никто не должен ездить на автомобиле; если создаем комфортную среду – что не может быть чего-то еще. Нужно дать выбор – а это и зависит от нас в том числе. Я призываю более аналитически подходить к нашей теме и понимать, что существует очень тонкая грань, которую нужно найти; она варьируется и от места к месту, и от социального слоя, и от страны, и даже от квартала в рамках одного города. Очень щепетильный момент.

СГ Вопрос в архитектуре весьма спорный.

ЕГ И ориентироваться на вкусы большинства – сомнительный путь...

СГ Пример – здание на Воздвиженке, которое в 1899 году построил в мавританском стиле Арсений Морозов, приехав из Португалии. Это одна из жемчужин московской архитектуры, которой мы все любимся. Он ориентировался на собственный вкус и представление о красоте, но матушка оценила его художественное пристрастие так: «Только я знала, что ты дурак, а теперь знает вся Москва».

Светлана Забелина В Москве проводится конкурс с вовлечением в обсуждение жителей. Мы в этом конкурсе принимаем участие, и для проекта нашей территории будет очная защита. Мне кажется, что один из вариантов сотрудничества с жителями города – помощь от нас. Многие школы решают эти проблемы. Потому что от родителей и от детей исходят правильные инициативы. Студенты и преподаватели выезжают со школьниками на экскурсии. Такое движение нужно продолжать, оно будет очень полезно, когда архитектор будут взаимодействовать с детьми. Дети очень активные: приходят к родителям, к соседям, проводят социологические опросы «О чем мечтают жители?», «Какие у них желания?». Оформляют как могут, если мы будем помогать. Это предпроектный анализ, который так дорог. Проекты-победители будут реализованы городом – это здорово.

ЕГ Наш сегодняшний дискуссионный клуб имеет черты уникальности. Мы никогда не встречались за круглым столом с врачами. Хотя сами любим сравнивать свою профессию с вашей, и руководствуемся той же заповедью: «Не навреди». И даже предлагали ввести что-то вроде клятвы Гиппократова, чтобы дисциплинировать архитекторов.

Сергей Викторович определил архитектуру как искусство. Парадоксально, но не все архитекторы так считают: в Шерегеше один из лекторов, архитектор, возразил мне, аргументируя тем, что у архитектуры нет собственной музыки. У живописи и у скульптуры тоже нет музыки, но это искусство – и никто не сомневается в их статусе...

СЧ Гиппократова я воспринимаю как древнего врача, а он же внук Асклепия – бога медицины, поэтому там очень серьезный статус. Асклепионы – храмы здоровья, которые были построены на разных островах Греции; сохранился единственный на острове Кос, где практиковал сам Гиппократ – это храм здоровья. Он разрушен, но есть понимание, как это выглядело. Главным аспектом было оздоровление через геометрию формы. Находясь там – восстанавливали здоровье. Эта тема интересная.

ЕГ С античных времен архитектура и здоровье шли рука об руку.

Уверена, что мы не в последний раз встречаемся, и рискну сказать от имени журнала, что мы готовы мониторить тему салютотенного дизайна.